

<http://www.bulletennauki.com>

УДК 930.85

ДВЕСТИ ЛЕТ СОТВОРЕНИЯ РАДИЩЕВА

TWO HUNDRED YEARS OF CREATION OF RADISHCHEV

©*Коковин И. С.*

канд. филос. наук

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Новосибирск, Россия

Ivan.kokov80@gmail.com

©*Kokovin I.*

PhD

Novosibirsk State University of Economy and Management

Novosibirsk, Russia

Ivan.kokov80@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются тенденции осмысления опыта такого российского культуртрегера как А. Н. Радищев. Обосновывается гипотеза о невостребованности радищевского идейно–политического наследия в современной России. Исследуются предпосылки идеологических трендов в России. Анализируется история становления радищеведения в России девятнадцатого и двадцатого столетий в рамках политико — идеологического дискурса. Согласно основному тезису статьи идейное наследие Радищева не востребованно в России двадцать первого столетия по причине отсутствия идеологических предпосылок. Причиной указанного феномена является как политическая дискредитация революционных идеологов, так и масштабная трансформация социокультурного контекста. Тем не менее потребность в радищевском культурном опыте, лежащем в основании феномена взаимоотношений власти и интеллигенции обостряется в связи с известным кризисом самоидентификации образованного слоя в современной России, породившими ситуацию дезориентации в отношении идеала социального долга и ответственности, как по отношению к обществу, так и к государству. Согласно основному тезису статьи культурный дискурс современной России не включил наследие А. Н. Радищева в круг своих ориентиров, причиной указанного феномена является как распад символического горизонта российской интеллигенции, так и утрата образованным сообществом своего социо — культурного статуса (традиционной роли и миссии). Тем не менее потребность в радищевском наследии, способном дать ответы на актуальные культурно–исторические вопросы современной России обостряется в связи с ситуацией теоретического тупика, породившего неспособность к адекватному осмыслению феномена взаимосвязи таких явлений как «власть», «народ», «интеллигенция». По мнению автора статьи историко — культурная ситуация периода второй половины двадцатого столетия инициировала процесс утраты объяснительной легитимности таких устоявшихся концептов как «угнетение народа властью», «страдание народное», «интеллигентский комплекс вины перед народом», «антигосударственность», «манихейское сознание», «культурная миссия», «нигилизм», «беспочвенность интеллигенции», «диссидентство», «конформизм», «революционность». Цель написания статьи — определение символической ценности наследия Радищева в культурном пространстве Современной России. В процессе написания статьи были применены методы историко — культурного и контекстуального анализа.

<http://www.bulletennauki.com>

Abstract. In article tendencies of judgment of experience of such Russian kulturtrager as A. N. Radishchev are analyzed. The hypothesis of radishchevsky not demand ideologically — political heritage is proved in modern Russia. Prerequisites of ideological trends in Russia are investigated. History of formation of a radishchevedeniye in Russia of the nineteenth and twentieth centuries within the politician — an ideological discourse is analyzed. According to the main thesis of article the ideological heritage of Radishchev isn't demanded in Russia of the twenty first century because of lack of ideological prerequisites. Is the reason of the specified phenomenon both political discredit of revolutionary ideologems, and large-scale transformation of a sociocultural context. Nevertheless the need for the radishchevsky cultural experience lying in the basis of a phenomenon of relationship of the power and the intellectuals becomes aggravated in connection with the known crisis of self-identification of an educated layer in modern Russia, generated a disorientation situation concerning an ideal of a social debt and responsibility, both in relation to society, and to the state. According to the main thesis of article the cultural discourse of modern Russia hasn't included A. N. Radishchev's heritage in a circle of the reference points, is the reason of the specified phenomenon both disintegration of the symbolical horizon of the Russian intellectuals, and loss by educated community of the социо — the cultural status (a traditional role and mission). Nevertheless the need for the radishchevsky heritage capable to give answers on actual culturally — historical questions of modern Russia becomes aggravated in connection with a situation of the theoretical deadlock which has generated inability to adequate judgment of a phenomenon of interrelation of such phenomena as “power”, “people”, “intellectuals”. According to the author of article of the historian — the cultural situation of the period of the second half-arieses of the twentieth century initiated process of loss of explanatory legitimacy of such settled concepts as “oppression of the people by the power”, “national suffering”, “an intellectual complex of fault before the people”, “anti-statehood”, “Manichean consciousness”, “cultural mission”, “nihilism”, “groundlessness of the intellectuals”, “recusancy”, “conformism”, “revolutionism”. The purpose of writing of article — determination of symbolical value of heritage of Radishchev in cultural space of Modern Russia. In the course of writing of article methods of the historian — the cultural and contextual analysis have been applied.

Ключевые слова: Манихейское сознание, бинарные оппозиции, интеллигенция, диссиденты, радищеведение, символический горизонт.

Keywords: Manichean consciousness, binary oppositions, intellectuals, dissidents, radishchevedeniye, symbolical horizon.

Постсоветский этап российской истории как зеркало отражает политические и социальные тенденции предшествующих периодов. Действительно, при поверхностном рассмотрении может показаться, что и сегодня мы сталкиваемся с реалиями описанными в бессмертной «История одного города» Салтыкова-Щедрина. Отношения между народом и властью, властью и интеллигенцией, интеллигенцией и народом как будто представляют собой некую константу. Однако, на поверку навязчивое впечатление оборачивается расхожим стереотипом. В течение последних десятилетий значительно изменились все три типа отношений.

Основная задача автора статьи и состоит как раз в демонстрация несостоятельности стереотипов на примере одной из ключевых фигур начального периода противостояния власти и интеллигенции в России — Александра Радищева. Кем он был в действительности? Что можно использовать, а что стоит отбросить в опыте русского просветителя? Интерпретации его личности и деятельности задают общий вектор восприятия культурного наследия Радищева сегодня.

<http://www.bulletennauki.com>

Реконструкция «истинного Радищева» осложняется тем обстоятельством, что о его жизни, по выражению советского литературоведа Ю. М. Лотмана известно «до обидного мало». Это касается даже его внешности — сохранился единственный портрет писателя работы неизвестного автора.

«Первым русским революционером» называл Радищева В. И. Ленин [1, с. 107] Оценки фигуры просветителя варьируются в пределах от резко отрицательного — от известного екатерининского «бунтовщик хуже Пугачева», до панегирического — «первый русский республиканец», как озаглавил свою брошюру один из советских историков–популяризаторов 1920-х годов Николай Ашешов [2].

Оценки Радищева можно классифицировать по хронологическому принципу. Основные векторы понимания его литературного и шире деятельностного наследия в веке XIX-м сформировались еще среди его современников, в XVIII веке. В современной российской культуре сосуществуют несколько «накопленных» образов Радищева. Какая грань радищевского культурного «многогранника» наиболее актуальна сейчас для тех кто размышляет об отношениях власти и народа, власти и интеллигенции?

Основы *консервативного* подхода к оценке личности и деятельности поэта были заложены императрицей Екатериной II еще в ходе следствия. Сама императрица определила четко определила его: «бунтовщик». Так она поставила его на одну доску со знаменитым бунтарем — Емельяном Пугачевым.

Однако, бунт не тождественен революции. И писатель, и русские современники французских политических катастроф смутно осознают это, именно поэтому Радищев для правителей империи *хуже*. Радищев «хуже» потому, что замахнулся на символический горизонт монархии — в отличие от крестьянского бунтаря, который оставался монархистом. А поэтому он именно революционер, а не бунтовщик. Он имел амбиции изменить экономический строй, заменить элиту общества, перевернуть социальную иерархию и внедрить новую идеологию и стратегию легитимизации власти. И в этом отношении Радищев являлся русским «зеркалом» французской революции, которая и была единственной подлинной, в тот исторический момент, *революцией* (поворотом), а не бунтом, направленным только на смену элит [3].

Позже возникает положительный подход к трактовке личности автора «Путешествия из Петербурга в Москву». В ней образ Радищева растворяется в его литературной, политической и научной деятельности. Когда поэт и литературный критик П. А. Вяземский пишет А. Ф. Воейкову в 1818 году, что Радищев–писатель едва ли по плечу Радищеву–человеку, он сопоставляет между собой Радищева литератора и Радищева политика — защитника прав угнетенного крестьянства [4, с. 769]. И действительно, когда автор «Путешествия» писал о себе «душа страданиями человеческими уязвлена стала», он не лукавил и не пытался создать себе имидж филантропа, как сказали бы наши современники. Радищев *и был* филантропом. Факт человеколюбия Радищева был зафиксирован еще Н. А. Бердяевым — «Французские идеи преломились в русской душе прежде всего как сострадательность и человеколюбие. Радищев не мог вынести крепостного права, унижений и страданий народа» [5, с. 21]. Можно с уверенностью утверждать, что политическая, литературная, научная, юридическая «ипостаси» писателя являются лишь внешней оболочкой, содержащей в себе обозначенное ценностное «ядро». При этом основная гуманистическая проблема его мировоззрения — возможность эмансипации человека в соответствии с идеалами естественного права, — может дробиться и преломляться в глазах современников и потомков, создавая проекции причудливые, и зачастую противоречащие друг другу.

<http://www.bulletennauki.com>

Интересно, что декабристы не считали Радищева своим предтечей, предпочитая обращаться непосредственно к якобинскому революционному наследию. Всплеск интереса к фигуре Радищева случился в период правления Николая I и связан с деятельностью таких противников самодержавия как социалист А. И. Герцен и его соратники. Герцен очень высоко оценивал Радищева как человеколюбивого противника крепостничества. «Радищев не стоит Даниилом в приемной зимнего дворца, он не ограничивает первыми тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины — он едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, с дворовыми, с рекрутами и во всяком слое мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния» [6, с. 6]. Противник николаевского режима видит в Радищеве своего предшественника, т. е. революционера — народника, подтачивавшего основы самодержавия.

В предшествовавший реформам Александра II период родились оценки, оспаривающие революционность автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Историк литературы М. И. Сухомлинов писал: «Средства, которые Путешествие предлагает для уничтожения крепостного права, тоже согласованы с жизнью, вовсе не являются чрезмерно резкими» [7, с. 6]. Он не считает Радищева последовательным революционером, для Сухомлинова, тот был скорее предтечей антикрепостнических реформ Александра II. Династия Романовых видела в этом инакомыслящем дворянине екатеринской эпохи реального противника, поэтому само существование Радищева стремились замалчивать, а его сочинения практически не издавались вплоть до начала первой русской революции (1905).

Виднейший русский марксист Г. В. Плеханов охарактеризовал писателя так: «Самым ярким представителем освободительных стремлений нашего восемнадцатого века был без сомнения, Радищев. В лице Радищева мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции» [8, с. 159].

И недаром Екатерина II говорила о нем, что он бунтовщик хуже Пугачева... Известно, что Радищев погиб, можно сказать, дважды, но то стремление, которого он был одним из самых первых представителей не погибло, а росло и крепло в последнее царствование» [8, с. 159].

Можно с уверенностью утверждать, что оценка Плеханова стала основой суждений всех интерпретаторов личности писателя в советскую эпоху. С первых лет утверждения Советской власти в России Радищев попадает в «пантеон героев революции», официальная агиография начинает наделять писателя чертами не свойственными ему при жизни (несколько отличной позиции придерживался М. Горький, считавший Радищева либералом). Нарком просвещения Луначарский считал, что Радищев — «Первый пророк и мученик революции». В речи произнесенной на церемонии открытия памятника писателю, нарком дал ему превосходную характеристику: «верный сын, ученик революции» [9, с. 1].

Литературоведы сталинской эпохи вели непримиримую борьбу с дореволюционными предшественниками, продолжавшими линию М. Сухомлинова и полагавшими, что Радищев вынашивал планы реформирования самодержавия с целью придания ему гуманистических черт. Авторы предисловий к собраниям сочинений писателя — Д. С. Бабкин и Г. П. Макогоненко считали своим долгом обличить предшественников в некомпетентности. Так, например, Г. П. Макогоненко писал: «Милюков, провозглашая Радищева предтечей российского либерализма, причислил его к лику советников императрицы слева, а «Путешествие» считал обращенным не к общественному мнению, а к «Философу на престоле». Для Павлова–Сильванского, Радищев — воспитанник Екатерининского Наказа т. н. В этом «Наказе» содержались идеи реформирования самодержавия в соответствии с принципами законности и ограничения произвола. А «преступление» Радищева состояло в несвоевременном напоминании о тех же идеях, которые высказала на 24 года раньше Радищева сама императрица в «Наказе»

<http://www.bulletennauki.com>

[10, с. 79]. Будучи характерным представителем советского литературоведения, Макогоненко отвергает либеральные интерпретации наследия писателя. Для него Радищев — «мятежник и революционер», перед которым «трепетали монархи» [11, с. 56].

Революционность радищевского опыта не подвергалась сомнению и в период Оттепели и раннего Застоя. Советский радищевед Е. Г. Плимак также считал его революционером и не допускал возможности ревизии его наследия в либеральном ключе: «Радищев — первый русский революционер. Но он также первый в России революционер, задумавшийся над трудностью и сложностью пути революции, ответственностью революционной мысли и, особенно, революционного действия» [12, с. 302].

Оценки личности и деятельности Радищева не меняются и в начале горбачевской Перестройки. В книге Е. Г. Плимака, И. К. Пантина и В. Г. Хороса писатель продолжает выступать в качестве последовательного и несгибаемого революционера [13].

С углублением Перестройки образ писателя — бунтаря мог бы сменить другой образ: Радищев как просветитель — либерал, последовательный сторонник эволюционного преобразования крепостнического государства. И если бы наследие писателя подверглось ревизии, на щит могли бы поднять оценки таких историков как М. Сухомлинов, полагавших, что предложенные Радищевым преобразования носили весьма умеренный характер. Однако, вместо этого произошло «забывание» и «затушевание» фигуры Радищева. Можно говорить о том, что этот писатель восемнадцатого века выпадает из идеологии, выстраиваемой в этот период вокруг ценностей «свободного рынка» и «реальной многопартийности», о которых он практически ничего не писал.

Возвращение к фигуре писателя в наши дни носит эпизодический характер и в целом обусловлено тенденцией реабилитировать Радищева как *культуртрегера*, исключив при этом его революционность. Исследуя неизвестное произведение Радищева, «Опыт о Аглинском правлении» историк С. В. Польской показывает, что писатель одобрял тенденции к ограничению власти короля парламентом без упразднения самого института монархии [14, с. 188]. В исследовании С. В. Польского писатель предстает монархистом. И действительно: Радищев писал, что в Англии «наисовершеннейшее правление из возможных» [14, с. 188].

Возможны ли иные (исторические, философские, культурологические) и менее политизированные подходы к проблеме революционности автора «Путешествия из Петербурга в Москву»? Возможны. Еще Ю. М. Лотман считал писателя не столько революционером, сколько преобразователем, главной целью которого было не уничтожение монархического строя, а преобразование общества в соответствии с максимами естественно — правовой теории. И здесь могли использоваться любые средства, включая сотрудничество с царской бюрократией. В пользу этой гипотезы свидетельствует факт работы писателя в законодательной комиссии при дворе Александра I [15, с. 210].

Современный спад интереса к фигуре «первого русского революционера» обусловлен как фактическим распадом марксистской исследовательской парадигмы, так и крахом той идеологической доктрины, которая помещала его в рамках мифа о «герое и мученике». Кроме этого, образ «самого яркого представителя освободительного стремления нашего восемнадцатого века» [8, с. 159] и предтечи декабристов создаваемый поколениями борцов с самодержавной бюрократией сильно потускнел благодаря усилиям работников средней школы, для которых он автор скучного, но необходимого программного произведения. Уместно задаться вопросом о востребованности радищевского экзистенциального и политического опыта современным образованным человеком.

Возможна ли в настоящее время реконструкция «подлинного Радищева», т. е. Радищева — человека с его оригинальной мотивацией, политическими и эстетическими вкусами и

<http://www.bulletennauki.com>

предпочтениями. И здесь возникает проблема выбора значимого контекста, в котором работает жизненный пример и актуализируется опыт Радищева. Какой из обозначенных контекстов для нас наиболее ценен в настоящее время?

Казалось бы ответ очевиден: Радищев — борец с угнетением, несправедливостью, социальным неравенством и «деспотизмом». Но в этой «очевидности» сказывается многолетняя привычка к проведению исторических аналогий. Многие образованные люди зачастую воспринимают Россию как нечто единое и неделимое в пространстве и во времени, полагая, что проблемы противостояния власти и общества, поэта и власти, диссидентов и великодержавной бюрократии уже столетия не претерпевает существенных изменений. Согласно данной позиции, борец с самодержавием является безусловным союзником народа, его благодетелем, личностью заключающей в себе потенциал народной свободы. Однако, при этом упускается из внимания то, что в процессе исторической эволюции в России менялись и народ и власть и интеллигенция. Менялись и отношения между ними.

Если в XIX столетии Радищев представлялся многим потомкам мучеником, замахнувшимся на основы социального зла, то эта оценка происходила из отождествления зла как такового с бюрократической системой с царем во главе. А. И. Герцен смотрел на самодержавие как на вариант извращенной социальной системы. Причина этого извращения — корыстная воля царя и чиновников. В эпоху, предшествующую отмене крепостного права, он писал, что «твердыня крепостного права» поддерживается «розгой внутри и штыками снаружи» [6, с. 14]. Однако, уже поколение периода первой русской революции осознало и отношения символической зависимости, связывающей массу крестьянства с фигурой царя [16, с. 501]. Интеллигентский антимонархизм был обречен на непонимание, а сами интеллигенты на физическое уничтожение. Поэтому не случайно, в период после революции 1905 года литературовед М. О. Гершензон говорил об опасности слияния интеллигенции с «народом»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословить эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [17, с. 129]. Уже в период брежневского правления, философы А. Зиновьев и А. Воронель писали, что власть не только манифестирует предрассудки народа на символическом уровне, но и канализирует его стремление к уничтожению индивидов, отличающихся по взглядам, ценностной структуре мировоззрения и типу поведения («власть есть способ организации народа в единое целое»). «Страдание народное», о котором писал Радищев и народовольцы, сошло на нет. Исчерпание ситуации угнетения народа властью лишило интеллигенцию идеологического стимула в борьбе с полицейским режимом. «Страданий человеческих» больше нет. «Поэтому у нашей интеллигенции, которая борется за свои права, сейчас нет того традиционного оправдания, которое так помогало сто лет назад преодолеть моральные препятствия и страх смерти, перед лицом народного горя» [18, с. 208]. Кроме того народ советский поддерживал карательные инициативы власти, направленные как вовне так и вовнутрь. Это только обостряло ситуацию отрыва мыслящего индивида от массы сограждан. «Интеллигент, который всерьез начнет объяснять, что нам не по карману «почетная» роль сверхдержавы и что не наше дело наводить порядки во всем мире, рискует быть избитым без всякого вмешательства государственных органов» [18, с. 101].

Может ли образ «первого русского интеллигента» с его неприятием завоевательных походов, тирании и народного невежества быть востребованным современным россиянином, поддерживающим «умеренно авторитарный» режим В. В. Путина? Актуален ли пафос освободительного движения восемнадцатого века для представителя современного образованного слоя (того, кого можно назвать «интеллигентом» сегодня)?

<http://www.bulletennauki.com>

В отличие от, скажем, Пушкина, А. Радищев не является актуальным элементом «народного дискурса». Однако, мыслящее меньшинство может востребовать его политический и экзистенциальный опыт в условиях, когда «эволюционный путь развития России» привел к ситуации тупика. Речь здесь не идет о создании «пантеона героев революции», но, скорее об осмыслении истоков и смысла революционного движения в России в эпоху, когда революция менее всего возможна.

В настоящее время многие исследователи и публицисты констатируют факт «смерти интеллигенции». Я считаю, что имеет смысл разобраться в том, какова реальная роль Радищева в процессе складывания интеллигентского мирозерцания и какова мера ответственности писателя за исторические последствия реализации «культурной миссии интеллигенции».

Появление в России первого просветителя — бунтаря ознаменовало углубление двух процессов — 1) рецепцию идей радикального антимонархизма, не сводимого к наследию европейских просветителей; 2) раскола между властью и частью просвещенной элиты. В период Петровских реформ складывается тандем власти и просветителей — правового государственного идеала). Во времена Екатерины Второй этот тандем начинает распадаться.

Наследие Радищева обладало уникальными для своей эпохи и историко — культурного контекста чертами. В каком смысле можно называть его «интеллигентом»? С одной стороны, он рецепиент радикальных антимонархических идей, порожденных революционной ситуацией, и в этом отношении он такой же носитель западной культуры, осуществлявший рецепцию идей естественного права на русской почве, как и его оппоненты. Мироззрение Радищева было достаточно эклектичным, а местами и противоречивым. В качестве его источников указывают французских философов Мабли, Гельвеция и Руссо [7, с. 105]. С другой стороны, *Радищев первым в ряду просветителей ощутил и осмыслил свою независимость от власти* и положил начало новой традиции. В последнем десятилетии восемнадцатого столетия интеллектуальная элита отделяется от власти, обретает независимую самоидентификацию и позволяет себе критиковать монархическое государство. Радищев открывает эпоху борьбы с властью и автономной рефлексии интеллигентов. Он был первым образованным русским, развернувшим орудие естественно-правовой критики против самой монархии. Это и есть та призма, проходя через которую дробится и множится цельный образ писателя. Отныне формируется прослойка, состоящая из тех, кто, по выражению Н. Бердяева, говорит про себя и своих знакомых «Мы», а про государство «Они» [5, с. 21]. Тех, кто живет и мыслит в соответствии с бинарными манихейскими схемами противопоставляя себя власти и обвиняет государство во всех смертных грехах. По выражению современного исследователя О. А. Донских, интеллигенция — это специфическая социальная группа образованных людей, объединенных морализмом и негативными идеалами — антигосударственностью и атеизмом. По О. А. Донских, «казачество перестало быть главной оппозицией централизованному российскому государству после разгрома пугачевского восстания. И на его противогосударственное место встраивает себя интеллигенция. Первый русский интеллигент Радищев подхватывает традицию вольного казачества, и Екатерина была права, когда говорила, что он бунтовщик хуже Пугачева» [19, с. 121]. Итак, писатель оказывается лицом, стоящим у истоков интеллигентского мироззрения и культуртрегером ответственным за появление характерный «родовых пятен» на теле «интеллигентной» социальной прослойки.

Наиболее заметным «пятном» являлся культурный и исторический нигилизм: «Все, что было приобретено предками потом и кровью в течение столетий, вся сумма верований, весь капитал исторического мироззрения стали предметом презрительного негодования или объектом насмешек и едкого обсуждения...» [19, с. 91]. Историк В. О. Ключевский, построил своеобразную классификацию интеллигенции: «1) Люди с лоскутным мирозерцанием,

<http://www.bulletennauki.com>

сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: толстовцы etc. 3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами» [20, с. 299]. Критикуя интеллигенцию имперского периода, О. А. Донских писал: «Интеллигенция была настроена критически ко всему, что делало государство, ко всем традициям. И это ее настроение в особо острой форме проявилось у замученной комплексами разночинной ее части. Интеллигенция была носителем культуры, и в то же время она работала против государства и против народа (при этом возводя его на пьедестал). Да, обожествляя народ, интеллигенция в то же самое время пыталась преобразовать его по своему представлению и отчаянно боролась с тем, что считала не соответствующим идеальному образу» [19, с. 172].

Однако, первый интеллигент периода екатерининского правления имел мало общего с представителями российской «образованщины» последующих веков. Убежденный антимонархист, противник засилия царской бюрократии («стозевого чудовища»), «страдалец за народ», он несомненно желал разрушения имперского государства. Кроме того, Радищев откровенно считал русскую историю грустной повестью об угнетении и узурпациях (впрочем как и всемирную историю). В Оде «Вольность» литератор иллюстрирует свое понимание истории [21, с. 105]:

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душой, —
Но царь когда бесстрастен был!

Но на этом тираноборчестве, пожалуй заканчиваются сходства с критикуемым эталоном «интеллигентного сознания» и начинаются различия.

Во-первых, писатель, в молодые годы, еще не вполне осознал свое обособление от государства и считал возможным иметь чиновничьи должности, служить в Таможенном управлении, а в зрелом возрасте работал в законодательной комиссии. Во-вторых, Радищев, будучи антиклерикалом, не был атеистом. Не отрицал он и посмертного бытия души. В третьих — В одном частном письме [21, с. 12] Радищев одобрительно отозвался о первом русском императоре и его преобразованиях, посетовав лишь на то, что имея колоссальную власть Петр I не употребил ее для отмены крепостного права. «Посредственный царь исполнением одной из должностей своего сана был бы, может быть, великий муж в частном положении; но он будет худой государь, если для одной пренебрежет многия добродетели. И так вопреки женевскому гражданину познаем в Петре мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно» [21, с. 12]. Далее писатель резюмирует сказанное им о монархе: «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что — либо из своей власти, сядя на престоле» [21, с. 14].

<http://www.bulletennauki.com>

Ода «Осмнадцатое столетие» также содержит в себе одобрение исторической миссии отдельных Романовых [21, с. 289]:

Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Мир ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.

И ниже, Радищев — поэт как бы подводит итог восемнадцатому столетию и предчувствует новое столетие [21, с. 289]:

Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда Александр будь у нас...

Отрицание всего, что было связано с деятельностью представителей монархии и апологетов абсолютизма постепенно привело его к неверию в идеал «просвещенного царя». Квинтэссенцией взглядов писателя на институт монархии является глава «Спаская полость» в его «Путешествии», где лирический герой погружается в сон и видит себя прозревшим монархом, осознавшим, что подлинным истоком царской власти является обман: «— На обоих глазах бельма, — сказала странница, — а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулась обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобную роговому раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что вышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде взорам твоим» [21, с. 289]. В главе «Выдропуск» он выступает за уничтожение «внешности» и рационализацию власти, что неминуемо привело бы к упразднению самого института царской власти. «Внешность» представляет собой систему атрибутов власти. Она поддерживает традицию. «Вещают вам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во во мнении граждан коренится, отличествовать долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненарушимо. Оттуда пышная внешность властителей народов, оттуда стадо рабов, их окружающих. Согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может. Но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может» [21, с. 176]. Итак, выражаясь словами Макса Вебера, Радищев являлся сторонником «легального типа господства» и отрицал «традиционное» [22].

Есть основания полагать, что именно Радищев привнес модус культурной поляризации, в среду тех, кого эта власть и породила в качестве своей надежной опоры. Оппозиционные настроения до этого существовали в низах российского общества всегда и в кризисных ситуациях принимали форму бескомпромиссной борьбы на уничтожение. Ю. М. Лотман писал, что отличительным признаком русской культуры является именно жесткое противопоставление сатанинского и божественного. Он характерен для оппозиционных власти традиционалистских слоев (раскольников и казаков) [23]. Но эта же бинарная оптика революционного «манихейства», позволяющая видеть в истории и обществе только два полюса, действует и у Радищева. Мироззрение писателя интерпретирует историческую реальность как поле битвы между силами свободы и тирании [21, с. 265]:

<http://www.bulletennauki.com>

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не жребий мужество дарит,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

Каждый образованный человек вынужден выбирать, какую партию он представляет и на чьей стороне он находится.

Скрупулезного анализа требует интеллигентский стереотип восприятия, заставляющий интерпретировать личность Радищева в терминах «последовательного героизма» и антигосударственности.

Как было показано выше, в сознании представителей левой интеллигенции, от основоположника народничества А. И. Герцена до большевика А. Луначарского, сформировался образ Радищева — тираноборца, бескомпромиссного борца с монархизмом, готового идти на любые лишения ради идеи. Однако, реальный человек Радищев не всегда соответствовал создавшемуся образу. Он не был конформистом, но, в отдельных случаях колебался, испытывал страх и неуверенность. Даже советские исследователи признавали, что под давлением следствия писатель отрекся от содержащихся в его произведениях аналогий между европейскими и российскими монархами и перестал отождествлять фигуры Суллы, Нерона, Карла I с личностями самодержцев всероссийских. «Бредя в безумии моем прослыть острым писателем и скитался из заблуждения в заблуждение я упомянул с похвалой о Кромвеле, о сем скаредном, коварном и злоумышленном присвоителе верховной власти. Теперь чувствую всю гнусность моих изречений, и сколь они дерзновенны, в душе моей гнушащегося их. Но и в дерзновении моем не подразумевал николи благих государей, каковы были Тит, Траян, Марк Аврелий, Генрих IV, и такова есть в России ныне царствующая Екатерина, державу которой многие миллионы народов благословили» [24, с. 305].

Следствие по делу А. Н. Радищева было поручено знаменитому Шешковскому, чей имидж следователя создавался в течении нескольких десятилетий. Он отличался жестокостью и питал склонность к телесным наказаниям. Узнав, кто именно будет вести следствие писатель упадет в обморок [25, с. 510]. Впоследствии к Радищеву пытки не применялись, хотя, согласно Ю. М. Лотману, лишь потому, что свояченица писателя отдала следователю все личные украшения [15, с. 267].

Вернувшись из ссылки, он поступит на службу в александровскую администрацию, что также свидетельствует не в пользу версии последовательного тираноборчества. Невозможно представить себе например Михаила Бакунина работающим в комиссии при дворе Николая I.

Интересно, что Радищев как частное лицо едва ли не более загадочен и противоречив нежели Радищев культуртрегер и едва ли первый может быть отделен от второго. Слабо освещена в литературе личная жизнь писателя. В отношениях с женщинами просветитель не особенно стеснял себя рамками церковной морали, однако, это не было «Повреждением нравов» (в духе названия трактата старшего современника писателя — князя М. Щербатова). После смерти горячо любимой жены А. Рубановской, Радищев сожительствовал с ее сестрой (Е. Рубановской), прекрасно осознавая, что это осуждается и церковью и обществом. После осуждения писателя она последовала за ним в Сибирь. Ю. М. Лотман: «Радищев бросал открытый вызов предрассудкам. И правила православной церкви и обычаи категорически

<http://www.bulletennauki.com>

препятствовали браку со столь близкой родственницей, но свободные нравы екатерининской эпохи, конечно не осудили бы прилично скрытый адюльтер. Однако Радищев не пошел по этому пути. Как просветитель, поклонник разума и враг предрассудков, он вступил с ней в официальный брак» [15, с. 268]. Этот вызов условностям был брошен сознательно. Радищев здесь копирует западноевропейских либертенов и воплощает в жизнь руссоистский идеал искренней любви и эмансипации чувств [26].

Не менее удивителен и загадочен факт его кончины. Относительно этого события в литературе сосуществует множество различных гипотез. Наименее правдоподобными из которых являются две наиболее известные — официально объявленная «смерть от чахотки» и случайное употребление Радищевым приготовленной его сыном для обработки эполет «царской водки» (сильной кислоты). Вероятно, в распоряжении писателя просто не нашлось яда (не выдержав мучений он перерезал себе горло ножом). В советской историографии господствовала версия спонтанного самоубийства писателя от отчаяния, под давлением обстоятельств. Так, по М. И. Сухомлинову, Председатель Комиссии для составления законов, непосредственный начальник Радищева граф Завадовский угрожал ему возвращением в Сибирь и Радищев не выдержал этого давления.

Наиболее правдоподобной гипотезой является сознательно срежиссированный театрализованный суицид в стиле последних якобинцев или римской истории периода республики. По выражению Лотмана, Радищев подгонял свои жизненные импульсы под нормы философии. В пользу данной версии свидетельствует нездоровый интерес просветителя проявляемый к теме самоубийства т. н. «твердых мужей». «Твердый муж» — это расхожее культурное клише восемнадцатого века. «Муж твердый» в текстах Радищева — это герой, готовый доказать свои слова и убеждения, жертвуя собственной жизнью — «шествуя смерти во сретенье» [27, с. 125]. «Этого удостаиваются герои — защитники города, страны, пожертвовавшие жизнью, совершившие подвиг во имя отечества, или остановившие завоевателя, а также законодатели». По мнению Е. В. Кузнецовой, двойным источником апологии «твердых мужей» бала новозаветная агиография и героизм римской эпохи [27, с. 125].

Тема самоубийства отражена и в литературном творчестве Радищева: пытливые читатели обнаружили около тридцати описаний суицида в его прозе и стихах. Анализируя идейные предпосылки самоубийства, Ю. М. Лотман называет суицид одной из узловых проблем эпохи Просвещения. «Проблема права человека оборвать свою жизнь была одним из узловых моментов в Просвещении. Она рассечена на два основных узла на пути свободы. Первый представлял собой бунт против Господа. Получив свободу самому решать вековой вопрос «быть или не быть» человек присваивал себе права божества» [15, с. 267]. Наш герой — одиночка превзошел западных учителей срежиссировав наиболее изуверский и мучительный способ ухода из жизни: выпив яд, Радищев умер не сразу, промучавшись несколько часов.

Итак, еще только предстоит ответить на вопрос о том, почему нами востребован культурно-исторический опыт А. Н. Радищева, и какие конкретно элементы этого опыта могут быть использованы нашими современниками. В каком качестве Радищев может быть актуален сейчас — как просветитель-преобразователь, гуманист-«западник», герой-тираноборец, либертен? Можно ли утверждать, что ответы писателя на вызовы истории актуальны, в эпоху, когда самих этих вызовов уже больше нет? Нет ни самодержавия, ни крепостничества, ни интеллигенции, нет сдерживающих культурных запретов, нет проблемы противостояния просвещенного дворянина и «придворной черни».

Безусловно — опыт Радищева ценен с познавательной точки зрения. Он открыл собой эпоху противостояния интеллигенции и власти, которая завершилась в момент исчезновения интеллигенции, т. е. только в последние десятилетия. Уже можно написать законченную

<http://www.bulletennauki.com>

историю интеллигенции в России. Но важнее другое: Александр Радищев воплощал собой личностное начало в социуме, где оно не поощрялось (масса народа жила в соответствии с общинной традицией, в верхах наблюдался конформизм). Писатель совершал оригинальные, осознанные выборы в ситуации, когда ни общество, ни власть их не понимала и не одобряла. Сейчас, в период, когда коллективная матрица распалась и в России возобладал индивидуализм, опыт одиночки Радищева дает пример ответственного индивидуализма.

Список литературы:

1. Ленин В. И. ПСС., Т. 26. М.: Госполитиздат, 1949, 500 с.
2. Ашешов Н. П. А. Н. Радищев, первый русский республиканец. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красных депутатов 1919 г.
3. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.
4. Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве // Пушкин. СПб.: Искусство, 2003. 769 с.
5. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. 224 с.
6. Путешествие А. Радищева. С предисловием Искандера. London, Trubner & Co. 1858. 340 с.
7. Сухомлинов М. И. Радищев — автор «Путешествия из Петербурга в Москву». М.: Тип. Императорской акад. наук, 1883. 147 с.
8. Плеханов Г. В. Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14-го (27-го) декабря 1900 года // Литература и эстетика. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
9. Луначарский А. В. Александр Николаевич Радищев — первый пророк и мученик революции. Петроград: Издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 25 с.
10. Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев. Биография. М.-Л.: Мысль, 1965. 80 с.
11. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: Госполитиздат, 1956. 180 с.
12. Плимак Е. Г., Карякин Ю. В. Запретная мысль обретает свободу. М.: Наука, 1966. 304 с.
13. Плимак Е. Г., Пантин И. К., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883. М.: Наука, 1986. 500 с.
14. Польской С. В. Неизвестное произведение А. Н. Радищева «Опыт о Аглинском правлении» // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. Вып. 3. 2012. С.187–192.
15. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре XVIII–XIX веков. СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
16. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: В 2 т. т. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
17. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Авалон, 2011. 129 с.
18. Воронель А. Трепет забот иудейских. Тель-Авив: Книготороварищество «Москва–Иерусалим», 1981. 208 с.
19. Донских О. А. Воля к достоинству. Новосибирск: Сова, 2007. 207 с.
20. Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М.: Наука. 1983. 416 с.
21. Радищев А. Н. Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1949. 705 с.
22. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
23. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1993. 272 с.
24. Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.: Госполитиздат, 1952. С. 359 с.
25. Радищев П. А. Заметки. Отрывок о С. И. Шешковском / Сообщ. П. А. Ефремов // Русская старина. 1870. Т. 2. Изд. 3-е. СПб., 1875. С. 510–512.

<http://www.bulletennauki.com>

26. Гордин Я. Любовные ереси. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. 207 с.

27. Кузнецова Е. В. Концепция героического в творчестве А. Н. Радищева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Выпуск 2: Филология. С. 123–130.

Refereces:

1. Lenin V. I. PSS., T. 26. M.: Gospolitizdat, 1949, 500 p.

2. Asheshov N. P. A. N. Radishchev, pervyi russkii respublikanets. Izdanie Petrogradskogo Soveta Rabochikh i Krasnykh deputatov 1919 g.

3. Eizenshtadt Sh. N. Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. M.: Aspekt-Press, 1999. 416 p.

4. Lotman Yu. M. Istochniki svedenii Pushkina o Radishcheve // Pushkin. SPb.: Iskusstvo, 2003. 769 p.

5. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka. 1990. 224 p.

6. Puteshestvie A. Radishcheva. S predisloviem Iskandera. London, Trubner & Co. 1858. 340 p.

7. Sukhomlinov M. I. Radishchev — avtor «Puteshestviya iz Peterburga v Moskvu». M.: Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1883. 147 p.

8. Plekhanov G. V. Rech', proiznesennaya na russkom sobranii v Zheneve 14-go (27-go) dekabrya 1900 goda // Literatura i estetika. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1958.

9. Lunacharskii A. V. Aleksandr Nikolaevich Radishchev — pervyi prorok i muchenik revolyutsii. Petrograd: Izdanie Petrogradskogo Soveta rabochikh i krasnoarmeiskikh deputatov, 1918. 25 p.

10. Makogonenko G. P. A. N. Radishchev. Biografiya. M.-L.: Mysl', 1965. 80 p.

11. Makogonenko G. P. Radishchev i ego vremya. M.: Gospolitizdat, 1956. 180 p.

12. Plimak E. G., Karyakin Yu. V. Zapretnaya mysl' obretaet svobodu. M.: Nauka, 1966. 304 p.

13. Plimak E. G., Pantin I. K., Khoros V. G. Revolyutsionnaya traditsiya v Rossii: 1783–1883. M.: Nauka, 1986. 500 p.

14. Polskoi S. V. Neizvestnoe proizvedenie A. N. Radishcheva «Opyt o Aglinskom pravlenii» // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. T. 14. Vyp. 3. 2012. P.187–192.

15. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture XVIII–XIX vekov. SPb.: Iskusstvo, 1994. 399 s.

16. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: V 2 t. t. T. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997. 804 p.

17. Gershenzon M. O. Tvorcheskoe samosoznanie // Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii. SPb.: Avalon, 2011. 129 p.

18. Voronel A. Trepet zaborit iudeiskikh. Tel'-Aviv: Knigotovarishchestvo «Moskva–Ierusalim», 1981. 208 p.

19. Donskikh O. A. Volya k dostoinstvu. Novosibirsk: Sova, 2007. 207 p.

20. Klyuchevskii V. O. Neopublikovannye proizvedeniya. M.: Nauka. 1983. 416 p.

21. Radishchev A. N. Izbrannye sochineniya. M.: Goslitizdat, 1949. 705 p.

22. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 p.

23. Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv. M.: Progress, 1993. 272 p.

24. Babkin D. S. Protsess A. N. Radishcheva. M.: Gospolitizdat, 1952. P. 359 s.

25. Radishchev P. A. Zametki. Otryvok o S. I. Sheshkovskom / Soobshch. P. A. Efremov // Russkaya starina. 1870. T. 2. Izd. 3-e. SPb., 1875. P. 510–512.

26. Gordin Ya. Lyubovnye eresi. SPb.: Pushkinskii fond, 2000. 207 p.

27. Kuznetsova E. V. Kontseptsiya geroicheskogo v tvorchestve A. N. Radishcheva // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2011. T. 10, Vypusk 2: Filologiya. P. 123–130.

Работа поступила в редакцию

18.03.2016 г.

Принята к публикации

21.03.2016 г.